

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 13.07

Д. В. Соколов

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА КОНЦЕПТА «НАЦИОНАЛИЗМ»

Рассматривается проблема генезиса концепта «национализм» в культуре. Выделены следующие предпосылки генезиса концепта национализма: формирование концепта «свой», концепта «чужой», возникновение концепта нации. Делается вывод о многоплановости концепта нации и производного от нее концепта «национализм», с чем и связаны сложности дефиниции концепта в научном дискурсе и на уровне обыденного сознания.

Ключевые слова: национализм, концепт, концепт «национализм», концепт «свой», концепт «чужой», этничность, нация.

В современном научном сообществе весьма активно разрабатывается тематика национализма, которая актуальна в связи с процессами, проходящими в нашем обществе: с экранов телевизоров и с разворотов газет постоянно рассказывают об активизации националистических движений, этнических столкновений и конфликтов. Зарубежные исследователи Дж. Деланти [1], Р. Брубэйкер [2], Дж. Хёрн [3], Ч. Ганс [4], В. Джэймс [5], К. Калхун [6], Г. Дэй [7] и многие другие рассматривают концепт «национализм» и предлагают новые подходы к понятию «нация».

В России проблемы нации и национализма рассматриваются в рамках разных областей знания. Список отечественных авторов, анализирующих основные концепции национализма и создающих оригинальные теории, включает в себя имена В. В. Коротеевой [8], Ю. В. Арутюняна [9], С. В. Лурье [10], С. В. Чешко [11], В. С. Малахова [12], В. Б. Пастухова [13]. Авторы прослеживают эволюцию философских представлений о природе этносов и наций, исследуют основные направления развития национализма.

Однако, несмотря на повышенный интерес к теме национализма, в науке до настоящего времени отсутствует единый подход к его изучению. Причиной этого являются и многоплановость самого феномена национализма, и очевидная сложность его дефиниции не только в рамках научного дискурса, но и на уровне обыденного сознания. В связи с этим интересно рассмотреть причины указанных проблем, которые могут быть связаны в том числе и с особенностями и условиями генезиса концепта «национализм», которым и посвящена данная статья.

В настоящей статье авторы исходят из понимания концепта Ю. С. Степановым, который указывает, что «концепт – это как бы сгусток культуры

в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не „творец культурных ценностей“ – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [14, с. 12]. Предпосылки возникновения концепта многообразны, не является исключением и концепт национализма.

Первой из таких предпосылок является возникновение устойчивых социальных групп, что способствует возникновению концептов «свой» и «чужой», являющихся универсальными для всех культур. Для начала рассмотрим концепт «чужой». Согласно Г. Зиммелю [15, с. 62], чужаком является тот, кто находится вне социальной группы. В народном сознании коннотативный аспект чуждости фиксировал состояние антинормы, полную противоположность принятым правилам, обычаям, традициям.

Чужим приписывались прежде всего иные антропологические признаки. Это могли быть существенные отличия, делающие чужаков непохожими на людей. Местные племена, проживавшие за уральскими горами, казаки-первопроходцы описывали следующим образом: «По обычаю люди, но без глав, рты промеж плечей, а очи – в груди. И не говорят» [16, с. 69]. А вот описание взгляда на чужаков немецкого хрониста: «Кинокефалы – те, которые носят на плечах песью голову. Их часто берут в плен в России, а говорят они, мешая слова и лай» [17, с. 22].

Чужакам приписывались и менее радикальные отличия от людей. В Польше считали, что евреи имеют маленькие хвостики и рога (поэтому они носят высокие шапки), а у лютеран – шесть пальцев на ногах. Подобная гиперболизация внешних отличий «чужого» свойственна многим народам. Как отмечает Д. Н. Анучин, «рассказы о басно-

словных народах (дивных людях, дивовищах) встречаются в литературе почти всех культурных народов на известной стадии их развития» [18, с. 257]. Считалось, что у чужаков нет души или она темная. По верованиям владимирских крестьян, «во всяком человеке, какой бы он ни был народности, одинакова, но при этом христианская душа – светлая, все остальные темные» [19, с. 58].

Важным маркером «чужого» является язык. Слова в сознании человека ограничивают познанный, людской мир от непознанного, сакрального. Следовательно, «чужой», не владеющий знакомым языком, признается пришельцем из иного мира. Хрестоматийно известно понятие «варвары» (от *βαρβαρος* – негреческий, иноземный), появившееся от непонимания греками языка других племен.

Отличительным признаком «чужих» являются и иные обычаи. По многим поверьям, нельзя прикасаться к священным еврейским книгам, а цыгане могут украсть ребенка. Одежда, кулинарные пристрастия, музыка оцениваются по критериям «свои» или «чужие». Аналогичного мнения придерживается Е. Ф. Тарасов, «чужая культура воспринимается как отклонение от нормы, при этом естественным образом нормою считаются образы своей культуры, и чужая культура постигается путем приведения чужих образов сознания к образам своей культуры» [20, с. 61].

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что образ «чужого» формируется из следующих факторов: антропологические признаки, язык, обычаи. Указанные признаки образуют основу для ксенофобии. Вычлняя чужеродное, человек очерчивает область «своего».

Через осознание «чужого», «другого» происходит формирование представлений о «своем». Если такое противопоставление отсутствует, у человека нет необходимости осознавать себя и формировать собственную идентичность. Это относится ко всем формам идентичности, но особенно четко проявляется в формировании культурной и этнической идентичностей. Серьезное исследование этого вопроса принадлежит Э. Бенвенисту [21]. Он полагает, что корни концепта «свой» следует искать в осознании кровного родства группы людей (рода, клана), в пределах которой человек одновременно осознает себя «свободным от рождения, свободным по рождению» и противопоставляет себя «другим» – «чужим, врагам, рабам».

Таким образом, понятия «свой» и «свободный человек» тесно связаны. Согласно П. Пелио [22, с. 87], самоназвание «узбек» (*uzbeg*) значит «хозяин себя» (*maotredesapersonne*), то есть «свободный человек». Э. Бенвенист также подчеркивает социальные истоки понятия «свободный». «Первоначальным

оказывается не значение „освобожденный“, избавленный от чего-либо, на первый взгляд, казалось бы, исходное, а значение принадлежности к этнической группе. Эта принадлежность дает человеку привилегии, которых никогда не имеет чужестранец и раб» [21, с. 53].

Верным признаком «своего» является территориальная общность. Подобно населенным пунктам, получающим имя от реки или горы, находящейся неподалеку, целые народы называют себя согласно занимаемой территории. Некоторые «топографические» этнонимы содержат в своей основе топоним – географическое имя собственное. Приведя обширный перечень самоназваний племен германцев, Г. Лангенфелт находит в них решительное преобладание основ с топографическим значением, как нарицательных: маркоманны «рубержане», «пограничные», рипуарии «береговые жители», так и из топонимов – амисиварии «жители по реке Эмс» [23, с. 38]. Этноним индейского племени карок означал, как полагают, «вверх по реке» [24, с. 25]. Между обобщающими топоэтнонимами и этнонимами, образованными из имен конкретных географических объектов, нет принципиального различия. В одних и тех же условиях славянские племена назывались или брежане (от брег «берег»), дреговичи (от дрегва «болото», «трясина») или ободричи (живущие по обе стороны реки Одра), славянское племя уличи названо по местности, в которой оно обитало, первоначально угличи из Угол [25, с. 36].

Если «чужой» являлся пришельцем из иного мира, то «свой» воспринимался как человек. Такие самоназвания, как «тюрк», «ары» (удмурты), «ненцы», «эскимосы», «нивхи», «дойч» и др., ведут свое происхождение от слова «человек», «люди», «настоящие люди». В настоящем человеке соединялись культурные обычаи и уклад жизни. Неслучайно существует немало этнонимов, сложившихся по роду деятельности этноса, его культурному укладу как признаку «своего». К понятию «свой» возводит этимологию самоназвания славян польский лингвист Я. Отрембский [26, с. 55]. Оно образуется от реконструированного *slou* и суффикса *-en*. По его мнению, первоначальное значение слова «славяне» – «свои люди», «соплеменники», «принадлежащие к одной домашней общине». Ученый находит то же значение у Тацита [27, с. 84] в этнонимах шведы (*suebi*, *suiones*), швабы (*suebi*) и сабиняне (*sabmi*).

Различия по линии «свои» и «чужие» выражались в этнонимах, отражающих хозяйственную культуру народов. Этноним «бедуин» происходит от арабского слова «беду» – «степь». Здесь предполагается отличие от оседлого населения. Из сочинений Геродота [28] до нас дошли сведения

о населении причерноморских степей. Там жили скифы, которые были в основном скотоводами. Скифы, живущие в причерноморских степях, называли себя смлонтами или паралатами, а персы именовали их соками. Голландский ученый А. ван Виндекенс [29, с. 64] понял, что слово «соки» происходит от иранского спака – «собака». Их этнониму давался смысл «стража стад». Прокопий Кесарийский [30, с. 82] сообщает, что склавинов и антов – предков славян называли общим именем «споры». Последний термин расшифровывается как «плужники». Несколькими веками раньше Тацит [27, с. 37] упоминает племя германцев реудигнии (reudignii). Ученые доказали что это название происходит от термина, означающего «выкорчевывание леса». В современном немецком языке die Rodung – «выкорчеванное место». Реудигнии занимались подсечно-огневым земледелием в лесах на севере Германии. Во всем мире встречается много этнонимов, идущих от названия пахотного орудия или поля. Данные примеры показывают, что самоназвания, отражающие характер территории проживания, могут указывать на отрасль хозяйства данного народа либо образ жизни, с ней связанный.

В отдельных случаях этнонимы указывают на характерную черту народа. Так, в сочинении византийского автора [30, с. 61] сохранилось упоминание о саамах (лопарях), живущих на севере Скандинавии. Он называет их схритифиони. Другие древние авторы называют их фении. Первая часть этнонима, сообщенная Прокопием Кесарийским, указывает на хождение на лыжах.

В целом концепты своего и чужого отражают существование устойчивой человеческой общности, которая станет основой формирования нации. Существует две теории касательно дальнейшего развития данной общности. В западной традиции (которую иногда называют конструктивистской или этатистской), основанной на формационном подходе к процессу общественно-исторического развития, эволюцию этносоциальных общностей связывают с формированием капиталистических отношений и влиянием культурных и политических элит, в частности буржуазии. Восточная традиция (называемая примордиализмом или полицентризмом) считает, что нацией является этнос на определенном этапе его естественного исторического развития [31]. Поскольку понятие «национализм» зародилось в Европе, в данной работе предпочтение будет отдано западной традиции.

С развитием городов как центров промышленности и торговли произошел перелом в развитии феодального общества. Товарно-денежные отношения предполагали политическую централизацию из-за консолидации ранее обособленных обла-

стей в единое хозяйственное целое. Зарождение капиталистических связей, повышение мобильности, расширение рынка сделало возможным дальнейшее возрастание экономического и политического единства этносоциальной общности. Эту версию образования наций разделяет и Э. Гелнер, говоря, что нация – это «прямой результат начала процесса модернизации, т. е. перехода от традиционного аграрного общества к обществу индустриальному и постиндустриальному» [32, с. 94]. С возникновением новой социальной общности появляется общественная потребность в ее дефиниции. В дефиниции нуждались и программы реализации объективных интересов общности.

Концептом, которым стала определяться новая форма общности, стал концепт «нация», содержание которого начало формироваться еще в период античности. В римской империи это слово латинского происхождения означало «народ», на протяжении долгого времени являлось и воспринималось как синоним греческому слову «этнос». Второй этап развития понятия описывает А. Козинг: «Народности раннего Средневековья вместе с латинским языком переняли и данное слово, но использовали его уже для обозначения своей территориальной общности, пришедшей на смену племенным объединениям. Еще долго речь шла о „нациях“ французов (под которыми понимались исключительно обитатели Иль де Франс), нормандцев, бургундцев, лотарингцев, бретонцев, пикардийцев, провансальцев, франков, баваров и других» [33, с. 49]. Таким образом, к этнической составляющей концепта добавилась территориальная.

В эпоху высокого Средневековья в Европе начинается третий этап формирования концепта нации: термин «нация» начинает обозначать помимо этноса и территориальной общности также и профессиональные группы, например гильдии и цехи, которые требуется отличить от других существующих групп. В своей книге В. Л. Махнач и С. О. Елишев указывают, что «в весьма знаменитом в Европе Пражском университете времен Яна Гуса официально числилось четыре „нации“ (четыре корпорации студентов и преподавателей): чешская, польская, баварская и саксонская» [34, с. 8]. Появление в концепте нации значений, связанных с профессиональной идентичностью, указывает на нарастающую тенденцию к пониманию нации как не только этнической и территориальной, но и экономической общности.

Идеи эпохи Просвещения дали жизнь новому этапу развития концепта «нация». Социально-экономическая общность стала требовать не только экономического, но и политического регулирования. Создание теории общественного договора

представляло собой попытку решения данной проблемы. Основная задача, которую призван был решать общественный договор, состояла, по мнению Ж. Ж. Руссо, в том, чтобы «найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всю общию силою личность и имущество каждого из членов ассоциации и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде» [35, с. 75], что ставит вопрос о политической составляющей человеческой общности.

Завершение формирования концепта «нация» приходится на период французской буржуазной революции, которая связала его с идеей народного суверенитета. В своей книге И. С. Девятова утверждает, что «на этой основе было сформировано «киное», революционно-демократическое понимание нации, для которого ключевым было понятие суверенного народа. Это нация, которая создавалась через свободный политический выбор ее членов, зачастую вопреки территориальным, этническим, языковым, историческим, религиозным и другим локальным барьерам» [36, с. 62]. В докладе Эрнста Ренана говорилось, «существование нации – это... повседневный плебисцит» [8, с. 49]. Существуют и конкретные исторические примеры этого тезиса: руководствуясь политическими и социальными соображениями, Лотарингия и Эльзас, состоящие из этнических немцев, присоединились к французской нации. Таким образом, новый подход к пониманию нации переносил акценты в концепте нации с этнической и территориальной на политическую и экономическую общность. Это порождало перенос этнической самоидентификации человека с его «малой» родины на родину «большую» [37, с. 28]. Теперь помимо этнического, территориального, экономического составляющими концепта «нация» становятся понятия «гражданское общество» и «государство». Это позволило аббату Э. Ж. Сийесу определять нацию первоначально как «совокупность производителей», а затем как «объединение людей, подчиняющихся общему для всех закону и представленному общими законодателями» [38, с. 68].

Таким образом, можно проследить эволюцию концепта «нация». Первоначально слово «нация» отождествлялось с этносом или кровным родством, что соответствует содержанию предшествовавших концептов «свой» и «чужой». Со становлением хозяйственной культуры народов и образа жизни, который эта культура подразумевает, «нация» ассоциируется с территориальной общностью людей. Во времена позднего Средневековья «нациями» называли различные экономические сообщества и профессиональные группы. Деятели Великой французской революции привнесли в кон-

цепт «нация» политический смысл вместе с понятиями государственности и солидарности. «С развитием капиталистических отношений усиливаются экономические и культурные связи; начинает формироваться национальный рынок, в результате различные части народности сплавиваются в одно целое» [39, с. 59] – образуется многоплановый и многозначный культурный концепт.

Многоплановость концепта «нация» обусловила и многозначность производного от нее концепта национализма. Появление его связано с тем, что помимо этнического, территориального, экономического и политического признаков нация обладает потребностями, выраженными в национальных интересах. Г. Моргентхау [40] определяет их как долговременные, жизненно важные для всей нации выражения общности. В таком случае национальные интересы воплощаются в стремлении представителей одной нации к объединению на основе общности культуры, этноса, территории, экономики и политической системы. Принципы и программа такого объединения, очевидно, требуют дефиниции. Таким образом, возникает производный от концепта «нация» концепт «национализм».

Интересно, что первоначальное содержание концепта «национализм» соотносимо с изначальным содержанием концепта «нация», когда она отождествлялась с этносом: в конце XVIII в. в Германии *nationalismus* означал национальный подъем, дух захвата собственной культурой. Именно в таком значении он употребляется в работах известного немецкого исследователя Иоганна Гердера. Как отмечает Э. Хейвуд, «каждой нации, по Гердеру, присущ свой *Volksggeist*, что находит свое выражение в песнях, мифах и легендах и является для данного народа источником всех и всяких форм творчества. Национализм И. Гердера следует понимать как своего рода культурализм, где на первый план выдвигаются национальные традиции и коллективная память, но никак не государственность» [41, с. 244].

Слово «национализм» на французском языке впервые употребил аббат Огюстен Баррюэль в 1798 г. почти в том же значении, что и его немецкий коллега. В своей работе по истории якобинства священник отождествлял национализм с патриотизмом, эгоизмом и партикуляризмом, подчеркивая, что национализм, «любовь к нации», заменил любовь к человечеству в целом. «В ту минуту, когда люди составили государства, – пишет О. Баррюэль, – национализм, или любовь народная, заступила место любви общей. Не предосудительно презирать иностранных, обманывать и обижать их: добродетель сия называется патриотизмом. Умалийте, искорените сию любовь к отечеству, тогда

научитесь познавать самих себя и любить взаимно друг друга» [42, с. 109].

Впоследствии слово «национализм» проникает в повседневный оборот и начинает также отождествляться со словом «национальность», «патриотизм». Так, английская газета «Дейли ньюс» в 1869 г. применила этот термин относительно ирландцев. Вместе с тем слово «националист» означало «патриот» и «борец за независимость своего народа», что говорит уже о появлении выраженной политической составляющей. Спустя полвека А. Гитлер с помощью своей идеологической доктрины привносит в концепт идею расового превосходства. Так национализм становится мощной силой на политической арене.

Как видим, являясь производным от концепта «нация», концепт «национализма» проходит в своем развитии аналогичные этапы. Зародившись в Германии, он меньше чем за два столетия

принимал различные формы – от понятия «духовного единения» этноса И. Гердера до понятия «национал-социализм» как основы политической программы А. Гитлера, сохранив все смыслы, возникавшие в ходе исторического пути концепта «нация». Именно исторически сложившаяся многозначность концепта «нация» и, следовательно, концепта «национализм» является одной из причин того, что в современном мире мы часто можем наблюдать использование слова «национализм» в обыденном языке применительно к различного рода явлениям и программам, в том числе и не связанным с собственно национализмом. Следует отметить, что такая кажущаяся размытость дефиниции национализма может свидетельствовать о том, что концепт «национализм» все еще находится в процессе становления и развития, и именно это существенно затрудняет его изучение.

Список литературы

1. Delanty G. The SAGE Handbook of Nations and Nationalism. Kumar. L., 2006. 467 p.
2. Brubaker R. Ethnicity without Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 413 p.
3. Hearn J. Rethinking Nationalism: Critical Introduction. L.: Palgrave Macmillan, 2006. 261 p.
4. Gans Ch. Limits of nationalism. Cambridge, 2003. 488 p.
5. James P. W. Globalism, Nationalism, Tribalism: Bringing Theory Back In. L., 2006. 253 p.
6. Calhoun C. Nations matter: Culture, History and Cosmopolitan dream. N.Y., 2007. 435 p.
7. Day G. Theorizing Nationalism: Debates and Issues in Social Theory. L.: Palgrave Macmillan, 2005. 567 p.
8. Коротеева В. В. «Воображенные», «изобретенные» и «сконструированные» нации: метафора в науке // Этнографическое обозрение. М.: РГГУ. 1993. № 3. С. 45–49.
9. Арутюнян Ю. В. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999. 352 с.
10. Лурье С. В. Национализм, этничность, культура // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 101–111.
11. Чешко С. В. Философия и мистика национального вопроса // Общественные науки. 1990. № 3. С. 103–114.
12. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005. 296 с.
13. Пастухов В. Б. Национальные и государственные интересы России: игра слов или игра в слова. ПОЛИС: Политические исследования, 2000. № 1. С. 124–133.
14. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: 1-е изд., 1997. 264 с.
15. Палеева Н. Г. Конструирование русского националистического дискурса и его «другие» в 1860–1917 гг.: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2006. 120 с.
16. Оксенов А. В. Слухи и вести о Сибири до Ермака // Сибирский вестник. М.: Наука 1886. Кн. 4. 117 с.
17. Бременский А. Деяния архиепископов гамбургской церкви // Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники / пер. И. В. Дьяконова и Л. В. Разумовской. М.: СПСЛ; Русская панорама, 2011. 150 с.
18. Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака (Древнерусское сказание о человеках неизвестных в восточной стране) // Древности. Труды Императорского московского археологического общества. М., 1890. Т. 14. С. 227–313.
19. Быт великорусских крестьян-землепашцев // Описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). М.: Наука, 1993. 146 с.
20. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: ИФРАН, 1996. 59 с.
21. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Наука, 1995. 354 с.
22. Pelliot P. Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient, Paris, Imprimerie Nationale, 1973. 384 с.
23. Langenfelt G. On the Origin of Tribal Names, «Anthropos», Wien, 1919–1920, XIV–XV. 561 p.
24. Kroeber L. Handbook of the Indians of California, Washington, 1925. 258 p.
25. Трубочев О. Н. О племенном названии уличи // Вопросы славянского языкознания. М.: Наука, 1961. № 5. С. 35–40.

26. Otrebski J. Slowiane. Rozwiazanie odwiecznej zagadki ich nazw. Poznan, 1947. 255 s.
27. Тацит К. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Анналы. Малые произведения / пер. Г. С. Кнабе. 2-е изд., испр. и перераб. Статья И. М. Тронского; отв. ред. С. Л. Утченко (1-е изд. 1969 г.). (Серия «Литературные памятники»). СПб.: Наука, 1993. 536 с.
28. Геродот. История в 9 кн. / пер., предисл. и указатель Ф. Г. Мищенко. Т. 2. М.: Наука, 1885–1886. 761 с.
29. J. van Windekens. Le tokharien confront avec les autres langues indo-européennes. Luwen, 3 Bde. 1976–1982. 528 p.
30. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / отв. ред. Г. Г. Литаврин (Серия «Памятники исторической мысли»). М.: Наука, 1993. 276 с.
31. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. 379 с.
32. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Наука, 1991. 549 с.
33. Козинг А. Нация в истории и современности. М.: ИФРАН, 1978. 473 с.
34. Махнач В. Л., Елишев С. О. Политика. Основные понятия. М.: Наука, 2008. 194 с.
35. Длугач Т. Б. Три портрета эпохи Просвещения. Монтескье. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества). М.: ИФРАН, 2006. 185 с.
36. Девятова И. С. Понятие нации. Очерк становления и перспективы развития. М.: Наука, 2008. 97 с.
37. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.: Наука, 1998. 267 с.
38. Тырсенко А. В. Аббат Э. Ж. Сийес (1748–1836). У истоков французской либеральной идеологии // Новая и новейшая история. 1998. № 6. С. 61–74.
39. Малиновская С. М. Концептуальные основания этнокультурного образования // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2009. № 1. С. 59–64.
40. Hans J. Morgentau. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Third Edition. N.Y., 1961. 574 p.
41. Хейвуд Э. Политология: учебник для студентов вузов / пер. с англ.; под ред. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Вельского. М.: Юнити-Дана, 2005. 358 с.
42. Баррюэль О. Записки о якобинцах, открывающие все противохристианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы. Т. I–VI. М., 1806–1808. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 762 с.

Соколов Д. В., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: m6110@mail2000.ru

Материал поступил в редакцию 30.04.2013.

D. V. Sokolov

TO THE PROBLEM OF GENESIS OF THE CONCEPT «NATIONALISM»

The article observes the problem of genesis of the concept of «nationalism» in culture. The following prerequisites of the genesis of the concept of nationalism are identified: the formation of the concept «their», the concept «foreign», the emergence of the concept of the nation. It is concluded that the concept of multidimensionality of the nation and it is derived from the concept of nationalism, which accounts for the complexity of the definition of the concept in scientific discourse at the level of everyday consciousness.

Key words: *nationalism, concept, concept of nationalism, concept «ours», concept «foreigner», nation, ethnicity, nationality, genesis.*

References

1. Delanty G. *The SAGE Handbook of Nations and Nationalism*. Kumar. L., 2006. 467 p.
2. Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 413 p.
3. Hearn J. *Rethinking Nationalism: Critical Introduction*. L.: Palgrave Macmillan, 2006. 261 p.
4. Gans Ch. *Limits of nationalism*. Cambridge, 2003. 488 p.
5. James P. W. *Globalism, Nationalism, Tribalism: Bringing Theory Back In*. L., 2006. 253 p.
6. Calhoun C. *Nations matter: Culture, History and Cosmopolitan dream*. N.Y., 2007. 435 p.
7. Day G. *Theorizing Nationalism: Debates and Issues in Social Theory*. L.: Palgrave Macmillan, 2005. 567 p.
8. Koroteeva V. V. "Imagination", "invention" and "constructed" nation metaphor in science. *Etnograficheskoe obozrenie*. Moscow, RGGU Publ., 1993, no. 3, pp. 45–49 (in Russian).
9. Arutyunyan Yu. V. *Ethnosociology*. Moscow, Aspekt-Press Publ., 1999. 352 p. (in Russian).
10. Lur'e C. V. Nationalism, ethnicity, culture. *Social Sciences and Modernity*, 1999, no. 4, pp. 101–111 (in Russian).
11. Cheshko C. B. Philosophy and mysticism of the national question. *Social Sciences*, 1990, no. 3, pp. 103–114 (in Russian).

12. Malakhov B. C. *Nationalism as a political ideology*. Moscow, KDU Publ., 2005. 296 p. (in Russian).
13. Pastukhov V. B. National and state interests of Russia: a play on words or a word game. *POLIS: political studies*, 2000, no. 1, pp. 124–133 (in Russian).
14. Stepanov Yu. S. *Constants: Dictionary of Russian culture*. Moscow, 1997. 264 p. (in Russian).
15. Paleeva N. G. *Construction of Russian nationalist discourse and its "Others" in 1860–1917*. Author dis. cand. polit. sci. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2006. 120 p. (in Russian).
16. Oksenov A. V. *Rumors and news of Siberia to the Yermak. Siberian Herald*. Moscow, Nauka Publ, 1886, vol. 4. 117 p. (in Russian).
17. Bremenskiy A. *Acts of the Archbishops of Hamburg Church. Adam of Bremen, Gelmold of Bosa, Arnold Luebeck. Slavic chronicles.* / Per. I. V. D'yakonova i L. V. Razumovskoy. Moscow, SPSL; Russkaya panorama Publ., 2011. 150 p. (in Russian).
18. Anuchin D. N. *To get acquainted with the history of Siberia to Ermak* (Ancient tale of chelovetseh unknowing in the eastern country). *Antiquity. Proceedings of the Imperial Moscow Archaeological Society*. Moscow, 1890, vol. 14, pp. 227–313 (in Russian).
19. *Great-life peasant cultivators* / Description of materials Ethnographic Bureau Prince V. N. Tenisheva (for example, Vladimir province). Nauka Publ., 1993. 146 p. (in Russian).
20. Tarasov E. F. *Intercultural communication – new ontology analysis of linguistic consciousness / Ethnocultural specificity of language consciousness*. Moscow, Publishing House of the Institute of Philosophy (IFRAN) Publ., 1996. 59 p. (in Russian).
21. Benvenist E. *Dictionary of Indo-European social terms*. Nauka Publ., 1995. 354 p. (in Russian).
22. Pelliot P. *Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient*, Paris, Imprimerie Nationale, 1973. 384 p.
23. Langenfelt G. *On the Origin of Tribal Names, "Anthropos"*, Wien, 1919–1920, XIV–XV. 561 p.
24. Kroeber L. *Handbook of the Indians of California*, Washington, 1925. 258 p.
25. Trubachev O. N. *About Ulichy tribal name*. Questions of Slavic linguistics, no. 5. Nauka Publ., 1961, pp. 35–40 (in Russian).
26. Otrebski J. *Slowiane. Rozwiazanie odwiecznej zagadki ich nazw*. Poznan, 1947. 255 p.
27. Tacit K. Works. V. 1–2. V. 1. *Annals. Small works*. Lane. Knabe G. S. 2nd ed., Rev. and rev. Article Tronskogo I. M. Br. Ed. Utchenko S. L. (1st ed. 1969). (Series "Literary Monuments"). St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 536 p. (in Russian).
28. Herodotus. *The story in the book 9*. Per., Foreword. and a pointer to the F. G. Mishchenko V.2. Nauka Publ., 1885–1886. 761 p. (in Russian).
29. J. van Windekens. *Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes*. Luwen, 3 Bde. 1976–1982. 528 p.
30. Prokopyi Kesariyskiy. *The war with the Persians. The war with the Vandals. The Secret History* / Min. Ed. Litavrin G. G. (series "Monuments of historical thought"). Nauka Publ., 1993. 276 p. (in Russian).
31. Bromley Ju. V. *Modern Problems of Ethnography*. Nauka Publ., 1981. 379 p. (in Russian).
32. Gellner Je. *Nations and nationalism*. Nauka Publ., 1991. 549 p. (in Russian).
33. Kozing A. *Nation in history and modernity*. Moscow, Publishing House of the Institute of Philosophy (IFRAN) Publ., 1978. 473 p. (in Russian).
34. Mahnach V. L., Elishev S. O. *Policy. Basic concepts*. Nauka Publ., 2008. 194 p. (in Russian).
35. Dlugach T. B. *Three portraits of the Enlightenment. Montesquieu. Walter. Rousseau (the concept of enlightened absolutism to theories of civil society)*. Moscow, IFRAN Publ., 2006. 185 c.
36. Devyatova I. S. *The concept of nation. Essay on Evolution and Prospects*. Nauka Publ., 2008. 97 p. (in Russian).
37. Hobsbaum Je. *Nations and Nationalism since 1780*. Per. from English. Vasiliev A. A. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1998. 267 p. (in Russian).
38. Tyrsenko A. V. Abbat Je. Zh. Siyes (1748–1836). At the root of the French liberal ideology. *Modern and Contemporary History*, 1998, no. 6, pp. 61–74 (in Russian).
39. Malinovskaya S. M. Conceptual Foundations of ethno-cultural education. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2009, vol. 1, pp. 59–64 (in Russian).
40. Hans J. Morgentau. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. Third Edition. N. Y., 1961. 574 p.
41. Heyvud Je. *Politics: Textbook for students*. Per. from English. ed. G. G. Vodolazova, V. Y. Belsky. Moscow, Unity-Dana Publ., 2005. 358 p. (in Russian).
42. Barryuyel' O. *Notes on the Jacobins, opening all protivuhristianskie malicious and ordinances Masonic lodges having an impact on all European powers*. T. I–VI. M., 1806–1808. 3-d ed. Moscow, Academicheskiiy Proekt Publ., 2004. 762 p. (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: m6110@mail2000.ru